Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Сильвен Тессон: «Я люблю парадоксальных русских»

15.06.2026.

"Потолок ледяной, дверь скрипучая". Сильвен Тессон перед своей сибирской "хижиной" (photo: Thomas Goisque)

Прожить шесть месяцев в хижине в Сибири, едва владея русским. Проехать по следам наполеоновской армии от Москвы до Парижа на мотоцикле «Урал». Кому такое может прийти в голову? Моему сегодняшнему гостю.

В течение последней недели Сильвен Тессон, член Французского общества путешественников и обладатель Гонкуровской премии по литературе, провел несколько встреч со своими швейцарскими читателями, побывав в Женеве, Берне и Ла Шо-де-Фоне. Приняв участие в одной из этих встреч, мы можем засвидетельствовать, что послушать его собралось немало желающих, хоть удовольствие это и было платным. Подобный интерес не удивителен, ведь за плечами этого географа по образованию – кругосветное путешествие на велосипеде;

пересечение верхом на лошади степей Центральной Азии, от Казахстана до Узбекистана; пеший переход от Сибири до Индии по маршруту, изложенному в книге беглеца из ГУЛАГа Славомира Равича «Длинный путь».

Свободное от путешествий время Сильвен посвящает литературе. Действие всех его произведений разворачивается в странах, через которые проходили маршруты его путешествий: Россия, Казахстан, Узбекистан, Индия и т.д. Наибольший интерес наших читателей, возможно, вызовут такие его книги, как «Мы катимся по земле», кругосветное путешествие на велосипедах вместе с Александром Пуссеном (Laffont, 1996), «Дневник степи», верхом через всю Центральную Азию, вместе с Присиллой Тельмон (Glénat, 2002), «Байкал: взгляд странников тайги», путешествие по тайге на мотоциклах вместе с Томасом Гуаском (Transboréal, 2008), «Байкал: 180 дней одиночества» (2011). В 2011 году его эссе «В лесах Сибири» было удостоено престижной премии Медичи за эссеистику, а роман «Жизнь под открытым небом» был отмечен Гонкуровской премией в 2009-м. Кроме этого, в прошлом году вышла еще одна книга – «Березина» (Editions Guérin, 2015). Два произведения, главной темой которых стала Россия, послужили поводом для нашей встречи в Женеве и беседы … обо всем.

Сильвен, первый вопрос: после стольких разнообразных российских опытов, как Ваш русский?

К сожалению, он совсем не на том уровне, на каком мне бы хотелось. Я немножко выучил его фонетически, вместо того, чтобы заняться этим серьезно. Но я еще надеюсь восполнить этот пробел. Я могу поддержать элементарную беседу, спросить дорогу, понять ответ. Но я не владею падежами, и любой русский с первых же слов распознает во мне либо иностранца, либо двоечника, либо обоих в одном лице.

Сильвен Тессон (photo: Thomas Goisque)

Ваша книга «В лесах Сибири» не может оставить равнодушными сразу три категории читателей: любителей путешествий вообще, людей, интересующихся Россией, и тех, кто уже пережил или только приближается к кризису среднего возраста. В этой связи у меня вопрос. Все люди переживают этот кризис по-разному: кто-то отправляется в кругосветное путешествие, кто-то покупает сверхмощный автомобиль, кто-то заводит молодую любовницу. Но вот о том, что человек, европеец, повидавший мир, по доброй воле запирает себя в хижине на Байкале, да еще зимой, да еще в одиночестве, я услышала впервые. Не многие сочтут раем температуры 30 градусов ниже нуля и медведей в качестве единственных соседей. Какова же все-таки была причина такого уединения?

Мне трудно выделить какую-то одну причину. Поскольку требовалось дать объяснение, я «отговорился» кризисом среднего возраста. Так было проще, тем более что я действительно приближался к сорокалетию. Но если говорить честно, то это стало реализацией давней детской и юношеской мечты о «шалаше». Проведя 20 очень активных лет в путешествиях и открытиях мира, я действительно испытал срочную потребность во временном покое, в тишине. Что касается соседей, то в силу того, что моя мама, которой уже два года нет с нами, создала в свое время фонд, который, с участием профессиональных врачей, занимался контролем за

рождаемостью в Африке, я с ранних лет был хорошо информирован о демографических проблемах планеты. Согласно цифрам ВОЗ, к 2040 году население земли будет исчисляться многими миллиардами. Эта перенаселенность постепенно коренным образом меняет отношения человека с самим собой, с окружающим миром, с природой, с политикой. Мне кажется, все наши политические несчастья, включая нищету, в большой мере вызваны демографическим давлением и неспособностью экономики следовать за растущими потребностями населения. Поэтому «шалаш», «хижина» показались мне экзистенциальным выходом перед лицом этой опасности. Речь идет не о мизантропии – это в сорок лет было бы смешно, но о счастье погрузиться на какое-то время в тишину, вдали от толпы.

Вы правы, в моем советском детстве мы тоже обожали строить шалаши или домики на деревьях. Но современные дети как-то заменили это тактильными экранами.

Вот именно, и с этим исчезла игра воображения, поэтика, живое общение с друзьями, с природой. Современный постулат гласит: «В начале был экран».

С Красной площади по следам Наполеона (photo: Thomas Goisque)

Обозначив место Вашего отшельничества как «рай», Вы тем не менее не противоречите одному из Ваших знакомых, назвавшим его «идеальным местом для самоубийства». У Вас не было подобных мыслей, намеков на депрессию?

Во-первых, надо еще доказать, что самоубийство – это результат депрессии. Как Вы знаете, во многих романах самоубийство представлено как благородный способ покинуть эту землю, как спасительный круг. Совершенно не будучи апологетом самоубийства, я тем не менее всегда воспринимал этот акт именно так, как возможность «скрыться», которую каждый может иметь на всякий случай, про запас. Поэтому эта фраза лесничего, в которой была доля «шутка» *(сказано по-русски – Н.С.)*, показалась мне невероятно русской, заставила меня еще раз посмотреть вокруг и подумать, что, если уж заканчивать с жизнью, то почему бы не в этих прекрасных декорациях?

Во вступлении к книге Вы рисуете совершенно идиллическую картину «трезвой и красивой жизни». В том, что все было не совсем так, особенно насчет трезвости, читатель быстро убеждается. Зачем вводить его в заблуждение?

Вы правы насчет первого понятия трезвости, как неприятия алкоголя. В этом смысле я трезвым, конечно, бывал за эти шесть месяцев не так часто. Но во вступлении я думал о трезвости как о воздержанности вообще, о строгости, умеренности, простоте в организации повседневной жизни, что в подобных условиях просто необходимо. Так что я был, если хотите, трезвым алкоголиком.

Один из географических пунктов, часто встречающихся в Вашем тексте, называется «Покойники», без перевода или пояснения. Вы думаете, в этом нет необходимости?

Да, это могли бы быть и гоголевские мертвые души, и вообще «покой» (*произнесено по-русски)*. Думаю, Вы правы, надо было пояснить, но иногда некоторые вещи кажутся нам настолько очевидными, что мы не думаем, что кому-то они могут быть непонятны. Вообще же, топономика, наука, изучающая географические названия, крайне важна, ведь в них часто содержится масса интересной информации. Кстати, мне так и не удалось выяснить происхождение названия «Покойники» у этой небольшой лагуны с домиком смотрителя заповедника.

У меня нет сомнений в том, что Вы – по-своему! – любите Россию, иначе бы вряд ли Вы туда отправились, да еще в таких экстремальных условиях. Однако в Вашей книге преобладают такие описания российских граждан, с которыми Вы пересекаетесь в Сибири, что возникает вопрос, а за что их, собственно, любить?! Вы описываете дурной вкус россиян, их неспособность расстаться даже с ненужной вещью, их алкоголизм, узость взглядов, национализм, шовинизм. Вот, например, такой пассаж: «Вечер, суп. Увлекательная беседа с рыбаком, в ходе которой выясняется, что миром правят евреи (но во Франции – арабы), что Сталин был настоящим лидером, что русские непобедимы (карлик Гитлер обломал о них зубы), что коммунизм был прекрасной системой, что землетрясение в Гаити – результат шоковой волны от американской бомбы, что Нострадамус был прав, что 11 сентября – дело рук американцев, что историки Гулага – не патриоты, а французы – гомосексуалы. Пожалуй, мои визиты станут реже». Я вовсе не думаю, что Вы что-то утрируете. Более того, чтобы услышать подобный бред, вовсе не стоит забираться в сибирскую глушь, достаточно включить первый канал российского телевидения. Вопрос в другом: чем же привлекают Вас эти люди?

Le soir, la soupe. Passionnante conversation avec un pêcheur d'où il ressort que les Juifs mènent le monde (mais qu'en France ce sont les Arabes), que Staline était un vrai chef, que les Russes sont invincibles (ce nain d'Hitler s'y est cassé les dents), que le communisme était un système excellent, que le séisme d'Haïti est le résultat de l'onde de choc d'une bombe américaine, que Nostradamus avait raison, que le 11 septembre est un coup des Yankees, que les historiens du goulag sont des antipatriotes et les Français des homosexuels. Je crois que je vais espacer mes visites.

(смеется) Действительно, во многих русских дремлет маленький Жириновский! Но если говорить серьезно, то я старался воздержаться от обобщений, хотя у всех нас есть тенденция говорить «эти русские», «эти французы». Это лишено смысла. Конечно, русские тоже разные, но что невероятно привлекает меня во встреченных жителях леса и других диких регионов, так это их потрясающая внутренняя сила, энергия, боль, устойчивость и спокойствие перед жизненными трудностями. Мне кажется, в Европе все это в значительной степени утрачено, в частности, из-за материального благополучия последних пятидесяти с лишним лет. Разумеется, я приветствую и очень благодарен за все медицинские достижения, за отлаженную систему социальной помощи, но в итоге человек расслабился в комфорте и утратил долю сумасшедшинки.

Остановка в пути (photo: Thomas Goisque)

Вы правы, я отмечаю массу недостатков среди русских, но увиденные мною достоинства все равно перешивают в моих глазах. Именно там я пережил самые

сильные моменты дружбы, человеческой солидарности.

Разумеется, мое внимание привлек список захваченных Вами с собой книг – диапазон поражает и восхищает, но почему единственным русским автором оказался Василий Песков с его рассказами про таежную отшельницу Агафью? Хотели сравнить опыты?

Объясню. В молодости, еще в Париже, я читал очень много русских авторов. Поэтому решил не брать русские книги в хижину, напоминающую охотничий домик Тургенева, и не читать их, подумывая о прощании с жизнью и с природой, как в «Карамазовых», попивая чай перед окном, как в пьесах Чехова. Вы все правильно поняли - история староверов и Агафьи, рассказанная Песковым, точно соответствовала тому, что я тогда переживал. А потом, помните, в 2000-х годах, когда русские снова начали проводить тестовые запуски ракет «Протон» и однажды реактор упал, за несколько километров от ее хижины. Вот это был шок цивилизаций!

Судя по всему, Вы любите парадоксы. Иначе как объяснить, что, после беседы с Вашей сибирской знакомой Леной о коровах и медведях, Вы покидаете ее «укрепленный в своей любви к России, к народу, который запускает ракеты в космос и защищается от медведей с помощью камней»?

Действительно, в русских есть это удивительное сосуществование глубокого архаизма и суеверий с любовью к новым технологиям. Например, я был потрясен, увидев, как священник благословляет очередной «Союз», запускаемый с космодрома Байконур. На такую мизансцену мы, европейцы, не способны. Изучать иррациональных русских мне гораздо интереснее, чем преисполненных банальных истин представителей Запада.

На Вашей презентации в Женеве я спросила сидевшего рядом со мной молодого швейцарца, какой образ русских создали в его воображении Ваши книги. И от ответил: «С ними хочется выпить». Водка – один из полноценных персонажей Вашей книги. Читатель узнает о ней множество интересных фактов, а также то, что многие сибиряки, «регрессировавшие до состояния эмбриона, заменяют ею амниотическую жидкость». Вы не подчитывали, сколько же Вы выпили за шесть месяцев, и продолжаете ли потреблять, вернувшись во Францию?

Не подсчитывал, так как после большого количества выпитого утрачивал такую способность. А пить я бросил совершенно год назад, после очень тяжелого несчастного случая: я упал, видите, в каком теперь виде. Так что, возвращаясь к одному из Ваших предыдущих вопросов, трезвость все-таки взяла верх, увы, дорогой ценой. Но в России алкоголь компенсировался в какой-то степени большой физической нагрузкой, плюс на сильном холоде он быстро выветривается. Так что мне казалось, что все прекрасно, и я никак не мог понять, почему Горбачев решил ввести сухой закон. Люди до сих вспоминают об этом с ужасом!

Сильвен Тессон тоже решил ударить автопробегом по бездорожью (photo: Thomas Goisque)

Я не знаю, как отреагировали бы Ваши сибирские знакомые, прочитай они

Вашу книгу. Но не задевает ли Вас то представление о Франции, которое Вы встретили в «мужике»: «Для мужика, Франция удивительна по двум причинам: в силу того, что народ, обладающий большой армией, обращается за помощью к правительству, если выпадает два сантиметра снега, и того, что этот народ оставляет гореть свои пригороды, в то время как три тысячи его солдат задействованы в афганских горах»?

Совершенно не задевает, я полностью разделяю это мнение. И я не один такой в современной Франции. Франция, продолжающая считать себя великой страной, не способна решить свои немедленные проблемы. Например, сейчас Франция стала всемирным лидером в области экологии – при этом у нас практически полностью исчезла вся популяция бабочек.

Вот бы Набоков расстроился!

Вот именно! Что бы он стал зарисовывать?! Если серьезно, то я не могу не видеть абсолютной беспомощности современных европейских политиков и предпочитаю ей авторитарность мужика, полноправного хозяина в своей хижине.

После этих шести месяцев на Байкале Вы по-прежнему считаете, что «нет ничего лучше одиночества»?

Да, но если оно периодически нарушается. Одиночество – поэтическое, романтическое состояние, особенно если оно не навязано насильно, а выбрано добровольно. Мне действительно удалось соединить за эти месяцы практически все важные для меня факторы: занятия спортом, физические нагрузки, творчество, чтение…. Получилась такая деревянная Вилла Медичи. Правда, порой не хватало более содержательных бесед. Но больше ничего.

Если бы Вы знали, что за период Вашего отшельничества от Вас уйдет любимая женщина, Вы бы все равно отправились на Байкал?

Нет, это была для меня страшная потеря, ведь я искренне верил, что мы будем вместе всегда. Если бы я знал, то уговорил бы ее отправиться в сибирские леса вместе со мной. Может быть, тогда мы до сих пор были бы вместе.

В книге «Березина» - совсем иная атмосфера, нет такого постоянного напряжения, да и к философским размышлениям путешествие с двумя приятелями в мотоцикле «Урал» (с коляской) по следам армии Наполеона, видимо, меньше располагает. Первый вопрос такой: не удивляет ли Вас, что в России так хорошо знают и, в общем, чтут Наполеона, поверженного врага?

Мне кажется, что русским импонирует любое проявление политической авторитарности. Я шучу, конечно, но историки связывают феномен Наполеона с появлением «Священного союза» и считают, что именно во время войны с Наполеоном у русских впервые четко сформировалось чувство патриотизма. И плюс – они победили! Не надо забывать и то, что военные историки называют Бородинскую битву первым массовым сражением, во время которого противники в большинстве своем не видели лиц друг друга – более 50 процентов погибших. Это было предвестником ужасов XX века.

У русских и французов есть одна общая черта – любовь к отмечанию дат.

О да! Я получаю приглашения на все «торжественные моменты» в Посольстве России в Париже. Но это ладно. Представьте себе, на Памире, в Таджикистане, в Горном Балахшане, есть Пик 60-летия Октябрьской революции! И так далее. Но это понятно – в трудные времена мы опираемся на славное прошлое.

Мне очень нравится ироничность Вашего стиля, например, наблюдение о том, что перед смертью никто не хочет в последний раз перечитать Виргилия, а жаждет напиться. Однако при описании битвы при Березине, да и других трагических моментов той войны от иронии не остается и следа, и читателю передается Ваш ужас перед эхом истории, перед непередаваемыми человеческими страданиями. Хотели ли Вы своей книгой предостеречь современников от их повторения?

Да, конечно. Не знаю, насколько мне это удалось. Разумеется, я сам не видел войны и очень надеюсь, что и не увижу. Но поскольку я увлекаюсь историей, то все это мне интересно и важно. Кроме того, ни в одном из моих путешествий я не был до такой степени настигнут прошлым. Мне было грустно от того, что, с одной стороны, мы отмечаем даты, а с другой – совершенно упускаем из виду, что за ними стоит, тех людей, наследниками которых являемся.

Ваша книга вышла в 2015 году, в разгар нового напряжения международной обстановки, санкций против России и ее предсказуемой ответной реакции. Поэтому особенно актуально звучат такие Ваши слова: «Вторжение в Россию было задумано ради построения мира на континенте и стало первым шагом к падению Первой империи», а также напоминание, что проигравший Наполеон пытался убедить народы Европы в том, что Россия – их общий враг и что против нее надо вести войну в интересах старой Европы и цивилизации. Еще одно предостережение, на этот раз политикам?

Возможно. Книга писалась в разгар Майдана. Я отправился в Донецк и пообщался с теми, кого на западе называют сепаратистами, а я – легитимистами, так как считаю совершенно законным их стремление жить по-русски. (Кстати, во Франции я бы не смог сделать такого заявления.) Не знаю, был ли в войне 1812 года элемент предчувствия, предвидения, но история явно повторяется. Нам нужно вернуться к определению Европы генерала де Голля – от Урала до Атлантики. Если вы спросите сегодня молодого француза, когда закончилась Вторая мировая война, он скажет «6 июня 1944 года», а про «Нормандию-Неман» большинство и не слышали. Переписывание истории может привести к тому, что, увы, мы вернемся к холодной войне.

Как сложилась судьба вашего мотоцикла «Урал»?

Он в Париже, но, к сожалению, я не имею права на нем там ездить.

Простили ли Вам Ваши приятели – писатель Седрик Гра и фотограф Томас Гуаск – эту авантюру?

(смеется) Да! Седрик Гра только что закончил роман о Донбассе, который называется «Антрацит». А Томас сделал массу прекрасных фотографий. Они не только меня

простили, но и остались под огромным впечатлением от европейского измерения Европы в России. Не исключено, что они туда еще вернуться.

Томас Гуаск
Сильвен Тессон
путешествия в Россию
Березина

Source URL:
https://rusaccent.ch/blogpost/silven-tesson-ya-lyublyu-paradoksalnykh-russkikh